

Моим маме и папе

*Мне жаль, что люди, прочитавшие мои книги,
порой задаются вопросом о моем воспитании.*

*Как бы то ни было, я думаю,
вы проделали отличную работу.*

ПРИЗРАКИ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Мод и Ричард

В день свадьбы Мод выглядела настоящим чучелом. Платье пузырилось и морщило, обвисало и топорщилось. В нем она казалась полинялой, зато оно подчеркивало худшую, по мнению Мод, часть ее внешности — лицо. Она знала, что Ричарду все равно: ведь она выглядела ужасно, что бы ни надела, а ему хоть бы что, казалось, он этого даже не замечал. Вообще-то он никогда не говорил ей о том, как она выглядит, не было у него и дурацкой привычки некоторых пожилых мужчин обсуждать наружность *других* женщин. Зато он громко хохотал над ее шутками, занимал интересными беседами, готовил экстравагантные блюда и с гордостью держал ее за руку на людях. Когда они смотрели фильмы, он рассеянно перебирал ее волосы, как будто они были длинными и шелковистыми, а не короткими и жесткими. Сказав, что любит ее, он нежно коснулся ее лица, а у глаз появились морщинки-лучики — как будто не мог поверить, что ему так повезло. Она сама в таких случаях точно так же щурила глаза.

Мод улыбнулась своему отражению в зеркале в полный рост, ошеломленная зрелищем. Все же, когда тебе

за шестьдесят, хорошо выглядеть в модных вещах непросто — не сказать, что невозможно, но все же гораздо труднее, чем в двадцать пять. Можно сколько угодно делать всевозможные гимнастики, проходить каждый день по десять миль, поливаться увлажняющим лосьоном из пожарного шланга, но без всякого толку: тело прожило немало лет, и это заметно. Впервые в жизни Мод пожалела, что не вышла замуж в двадцать с небольшим: платье, конечно же, предназначалось для юной невесты. Но потом она представила, какого бы тогда выбрала мужа, рассмееялась и решила наплевать на свое лицо и выпирающий живот: главное, они любят друг друга, и это прекрасно. Наплевать — вот одно из немногих решений, которые после шестидесяти даются гораздо легче.

Наконец, собравшись с духом и кое-как подобрав волны тюля и атласа, она села в автобус и поехала в парк в центре города рядом с мэрией, где их должен был ждать фотограф — фотосессию перед церемонией придумал Ричард. Пассажиры с любопытством уставились на нее, и она беззаботно улыбнулась в ответ. «Может быть, они считают, что я красивая», — подумала она и, вместо того чтобы выбросить эту мысль из головы, надела ее, как второе платье, и ехала в ней до самого парка.

Фотограф был уже на месте и поначалу не заметил ее. Он зачем-то фотографировал дерево — медленно кружил вокруг него, как будто это оно было невестой, поворачивал камеру так и сяк, подкручивал колесико, то и дело останавливался и хмурился, досадуя на солнце, которому ну никак не подобало торчать на небе в два часа дня.

Он не был профессиональным фотографом — просто знакомый Ричарда, любивший фотографировать. Значит, его услуги обойдутся дешево, и это самое главное. Свадебный альбом Мод и Ричарда не будет передаваться из поколения в поколение; он просто пролежит несколько лет на журнальном столике, а когда Мод и Ричард

Прости, но я скучаю

покинут этот мир, кто-нибудь вынет из него фотографии и выбросит на помойку. А альбом, если ему повезет, окажется на благотворительной распродаже с наклейкой «25 центов». Для Мод это был первый брак, для Ричарда — второй, детей ни у кого из них не было. Их отношения не сулили ничего, кроме собственного удовольствия.

— Привет, Мод! — сказал фотограф.

— Привет, — ответила Мод. Как его зовут, она не помнила.

— Настоящая красавица, — заметил фотограф.

— Лжец! — смеясь, ответила Мод. — Побольше снимайте, как мы целуемся, вид сзади. И больше Ричарда, чем меня. Можно еще сделать парочку таких, забавных, где невеста прячет лицо в букете.

— Хорошо, — смущенно сказал фотограф. — Кстати, а почему нам не начать с нескольких портретов невесты? Я читал, что некоторым невестам нравится, чтобы были...

— Нет, спасибо, — быстро сказала Мод. — Мне ни к чему.

— Ладно, конечно, хорошо, извините, — сказал фотограф. И еще раз щелкнул дерево.

— Пойду посижу вон на той лавочке, пока жених не приехал, — сказала Мод: у нее закружилась голова, когда она представила, как по аллее к ней идет Ричард, одетый в костюм, и смотрит на нее этим своим взглядом — как будто она ангел, Джейн Фонда и единственная женщина, оставшаяся на планете Земля.

На скамейке Мод расправила свое красивое платье, пригладила волосы и провела безымянными пальцами под глазами, проверяя, не расплылась ли тушь. Она сидела, и сидела, и сидела, пока не начала думать, правильно ли она поняла Ричарда, что они встречаются в этом парке. Но фотограф-то здесь — не могли же они оба напутать!

— Извините... э-э... мистер... фотограф, — сказала Мод. Ей было неловко, что она не помнит имени молодого человека.— Мне нужно найти телефон-автомат. Сейчас вернусь. Если в это время придет Ричард, дайте ему понять, что стыдно так опаздывать, ладно? — Она улыбнулась, чтобы показать, что шутит.

— Ладно, — ответил фотограф, не показавший виду, что ему не нравится обращение «Фотограф». Наоборот, казалось, он даже приосанился. — А что, еще есть телефоны-автоматы?

— А куда они денутся? — хмыкнула Мод. — Не у каждого же в кармане мобильник.

Фотограф пробормотал, что вообще-то у каждого, а Мод отправилась на поиски телефонной будки.

Конечно же, она была права: автомат оказался прямо за углом, и она быстро набрала номер Ричарда, осознавая, что бросается всем в глаза. Конечно, свадебное платье и задумано для того, чтобы бросаться в глаза, но обычно, когда его надеваешь, все должны пялиться на него, а не на тебя. Обычно.

В трубке послышались гудки — один, другой, третий... Мод еще не успела расстроиться, она была лишь слегка обеспокоена. Если он ответит — это плохо: до города ему ехать двадцать минут, а он уже и так опоздал. Если не ответит — еще хуже, потому что где тогда его носит?

— Алло?

Ага. Плохо, но могло быть хуже.

— Ричард! — воскликнула Мод. — Почему ты еще дома?

— Мод? О, Мод! — Казалось, он был удивлен, услышав ее голос. Кто еще, интересно, мог звонить ему в день его свадьбы?

Она молчала, ожидая, пока уляжется волна эмоций. Все хорошо, все хорошо. Это день ее свадьбы! Но Ричарда рядом нет, так что...

Прости, но я скучаю

— Ты... ты забыл о нашей свадьбе, Ричард?

— Э-э... — прокатился по телефонной линии его голос.— Это... ну да. Нет! Нет, я не... Нет, я просто... У меня... как это говорят... дрожат... эти...

— Ричард! С тобой все в порядке? — Его голос звучал странно. Невнятная речь, путающиеся мысли... Мод старалась не паниковать. — Ричард! Ричард! — Как там проверяют, не случился ли с человеком удар? Какой-то тест... А, да, лицо, руки... что-то еще, она вспомнит, сейчас дорога каждая минута. — Что, Ричард? Руки?..

Ричард рассмеялся.

— Руки? Нет! При чем тут руки! — Он так смеялся, что с трудом выговаривал слова. — Дрожат... нет, трясутся тормашки! Вот как говорят. Да нет, не может быть. Это же бесслы... бессмы... — В трубке послышалось бульканье, а за ним звук основательной отрыжки. — Поджилки! Слишком трясутся поджилки, чтобы жениться. Поджилки... — Он уже так хохотал, что не смог закончить фразу.

— Да ты пьян, — сказала Мод, сама удивившись своим словам. Они вырвались у нее, казалось, раньше, чем пришли в голову. Она еще не сошла с ума; она даже не была уверена, что бодрствует. Это было похоже на сон, из тех, когда стоишь раздетая перед толпой. Только все наоборот: не раздетая, а разодетая. А пьяный жених хохочет над несмешной старой идиомой, которая означает, что он не хочет жениться. И в любой момент можно взмахнуть руками и улететь вместе с телефонной будкой. Потом она проснется в день свадьбы и посмеется про себя, а позже, во время медового месяца, даже расскажет об этом Ричарду. Они собирались в Кэнмор. У них был заказан номер для новобрачных. Они намеревались съездить в Банф и прокатиться по канатной дороге на вершину Серной горы.

— Нет! — заорал Ричард и снова захохотал в трубку. — Ну, это... да. Да! Именно. — Казалось, он в ис-

терике. — Я пошел, Мод. Все это... — Он повесил трубку.

Мод так и осталась стоять в телефонной будке на Скарт-стрит, совершенно ошеломленная и глупо расфуфыренная. Ее сердце не было разбито: это она почувствует, только когда пройдет шок.

Бесслы... бессмысленно.

«Хорошо сказано, Ричард».

Оказалось, что это вовсе не день свадьбы Мод.

Она отправила фотографа и отменила церемонию, после чего и сама вернулась домой и сняла дурацкое платье — надевать его было неловко, но снимать и укладывать обратно в красивую коробку было откровенно унизительно.

Оставалось только ждать, пока Ричард протрезвеет, позвонит, извинится и объяснит свое странное поведение. Но этого так и не случится. Не будет ни Серной горы, ни канатной дороги.

Маккензи и Таня

— Но у меня день рождения. — Маккензи стояла в дверях спальни. Она пыталась разозлиться, чтобы прогнать обиду.

— Был. Вчера. — Голос Тани донесся с дерева прямо за окном спальни. Когда Маккензи ее засекла, она уже спускалась вниз и теперь сидела на ветке, ее белоснежная кожа светилась в лунном свете, так что она была похожа на парящее привидение.

— Так не делают.

— Делают. Сейчас два часа ночи. Кто в это время отмечает день рождения?

— Да кто только не отмечает!

— Не прикидывайся, что не поняла. Твой день рождения уже отметили. — Таня посмотрела вниз не для того,

Прости, но я скучаю

чтобы узнать, кто ждет ее под деревом, а чтобы дать понять Маккензи, что хочет туда, к ним.

— Ты просто не хочешь признать, что бросаешь меня, чтобы в мой день рождения потусоваться с кем-то, кто тебе больше нравится.

— Повторяю: твой день рождения был вчера. Иди спать.

— Ну, спасибо! — Маккензи старалась не дуться, но при этом выглядеть обиженной.

Однако в голове у Тани всегда умещалась только одна мысль, и в данный момент эта мысль была не о Маккензи.

— Кенз. Остынь. Мы отпраздновали. Нам было весело. Тогда был твой день рождения, а сейчас другое. Мы не обязаны делать все сообща.

— Извини, что тебе пришлось что-то делать сообща со мной. Извини, что для тебя это такая жесть.

Таня нетерпеливо улыбнулась.

— М-м-ладно. Нам пора. Ты же никому не расскажешь? Будь молодчиной. — Таня всегда говорила Маккензи «Будь молодчиной». Как будто это зависело от Маккензи. Как будто это она сама при рождении решила быть рохлей и мямлей.

— Конечно, не расскажу, — сказала Маккензи, стараясь, чтобы ее голос звучал равнодушно, а не разочарованно

— Вот и умница, — сказала Таня; ей даже не пришлось изображать равнодушие.

Она прошептала что-то с дерева, и снизу тоже донесся шепот. Она всем телом повернулась к стволу дерева и потянулась в темноте за невидимой веткой, как будто точно зная, где ее нащупать. Тут Маккензи поняла, насколько привычен для сестры этот путь бегства.

— По-моему, ты зря уходишь, — быстро сказала Маккензи.

Таня преувеличенно глубоко вздохнула.

— Маме бы не понравилось, что ты шляешься с каким-то парнем, с которым едва знакома.

Это подействовало. Таня изменила направление, влезла обратно в окно, перебралась через комод и спрыгнула на пол перед Маккензи. Она приземлилась беззвучно, как будто была тенью, а не человеком. Если бы Маккензи попыталась сделать то же самое, она перебудила бы весь дом, и все бы кинулись смотреть, что случилось: то ли дерево рухнуло на крышу, то ли началось землетрясение.

— А ты откуда знаешь? — Равнодушие Тани как рукой сняло.

Маккензи поняла, что одержала верх. Однако она во все не собиралась брать верх: ей просто хотелось, чтобы ее взяли с собой. Взяли не из-за ее шантажа и не из чувства долга, а из желания, чтобы она была с ними. Она уставилась на сестру полными слез глазами, решая, как поступить. Нужно ли сказать о том, что она прочитала в почте сестры? О бешеных деньгах, которые, как она знала, лежали в Таниной сумочке? О том, что точно знает, куда идет Таня и с кем встречается?

— Ниоткуда, — наконец произнесла Маккензи, рассматривая свои ногти на ногах, покрытые фиолетовым лаком.

— А почему тогда сказала?

— Просто догадка.

— Ты что, *догадалась*, что я уйду с едва знакомым парнем?

— Ты всегда якшаешься с едва знакомыми парнями. Ты всегда уходишь с кем ни попадя, а меня никогда с собой не берешь. — Она не хотела, чтобы они позвали ее с собой из жалости, но, может быть, именно на это и надо было давить.

Таня успокоилась. На ее лице снова отразилась скука. Ни сочувствия, ни заботы.

— В другой раз, Маккензи.

Таня снова забралась на комод и выскользнула из окна в темноту, и это был последний раз, когда Маккензи видела ее в реальной жизни.

После этого она появлялась в снах Маккензи почти каждую ночь, а иногда начинала материализовываться где-то на заднем плане в многолюдных местах и выглядела такой же призрачной и бестелесной, как в ночь своего исчезновения. Но едва Маккензи поворачивала голову, сестра растворялась в воздухе.

Сунна и Бретт

С таким же успехом могла взорваться плита. Или ванна из квартиры сверху провалиться сквозь потолок и вместе с голым соседом рухнуть на обеденный стол. Или курица, которую они ели, — ожить и с кудахтаньем выбежать за дверь. Именно такой была их ссора — неправдоподобной. Сюрреалистичной. Беспрецедентной. Они и не представляли, что с ними может такое случиться — и это действительно случилось как будто само по себе, а не по их воле. Они ужинали вместе — и вдруг оказалось, что они орут друг на друга, потом крики перешли в визг. Кто начал? Кто разозлился первой? И почему? Ни одна не могла вспомнить, что было потом. Воплям положили конец два слова, по одному с каждой стороны. Бретт назвала Сунну завистницей, а Сунна назвала Бретт фальшивкой, и хотя им случалось обзывать друг друга гораздо худшими словами, чем сказанные в пылу ссоры, именно эти прогремели в воздухе, как выстрелы. Как говорится, правда глаза колет.

Возможно, после этой ссоры они бы расстались навсегда, но дело происходило дома у Бретт, а Сунна, выбежав прочь, забыла куртку. Куртка была не бог весть что, но все же куртка, а январь в Торонто — дело нештучное. В тот день Сунна была достаточно зла, чтобы не